

Брильц О. А.

ЯЗЫКОВАЯ ОСНОВА ПОНИМАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/13.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 40-42. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

сти: *маслянистый* - химия, *упругий* - физика, *физкультура*. 5. Распространено явление **синестезии**: *шершавый шёпот*, *мягкий шелест* (атрибуты тактильного восприятия для дифференциации звучания), *шершавый взгляд*, *липкий взгляд* (атрибуты тактильного восприятия для обозначения ситуации зрительного восприятия), *бархатный вкус*, *мягкий коньяк* (характеристика вкусового восприятия), *липкий смрад* (характеристика запаха). Метафорически переосмысленные признаки тактильного восприятия используются для обозначения характера человека (*гладкий* - покладистый, *вязкий* - глупый, *шершавый* - неуживчивый). 6. **Мысленное воспроизведение образа предмета**: *губчатый* - ребёнок из советского мультфильма; *гладкий* - пузо, лысина, профессор. Элементы знаний, наивной картины мира передают **жесты**: *упругий* - от себя. 7. Отметим **индивидуальные ассоциации**: *бархатный* - чёрный, мягкий, круглый, *жгучий* - красный, жёлтый, *колючий* - зелёный, *шершавый* - чёрный. Один объект может восприниматься по-разному разными носителями языка: камень, огурец, асфальт могут быть и шершавыми, и гладкими. Отражены в реакции эксперимента **профессиональные знания, жизненный опыт испытуемых**: *колючий* - Спиназа (лат); *пергаментный* - Пергам, палимпсест, Древняя Русь, *бархатный* - путь (железнодорожный термин). 8. **Эмоции, оценки** выражают определённые чувства индивида: *жгучий* - опасно, *гладкий* - гадкий; *колючий* - приятный, *холодный* - некомфортно. 9. Присутствуют **фонетические ассоциации**: *студенистый* - студент, *пушистый* - Пушкин.

Семантическое моделирование является эффективным методом реконструкции внутренних образов сознания, репрезентированных с помощью языковых знаков в речи. Следуя концепции Ф.Е. Василюка, сознание человека рассматривается нами как детерминированное внешним миром, внутренним миром, культурой и языком [Василюк 1993: 16 - 19]. Моделирование **ситуации тактильного восприятия в языковом сознании носителей языка** осуществлено нами с опорой на указанную концепцию. Работа механизмов тактильного восприятия интерпретированы с помощью предложенных ученым параметров и имеют следующий вид. Внешний мир представлен *предметным содержанием*, когда сознание испытуемого ищет во внешнем мире соответствующую предметную ситуацию: *трогать* - чайник; стекло; снег; *скользящий* - лёд, червяк, солёный гриб. Результаты преломления действительности упорядочиваются через распределение их по определённым группам, категориям. В связи с этим в результатах экспериментов значительно преобладают номинации объектов, которые отличаются большим разнообразием. Это касается смысловой структуры предикатов и предикативных признаков. Если сознание сфокусировано не на самом предмете, а на субъективном впечатлении от него, то доминирует чувственная ткань предмета: *трогать* - горячее; гладкий; мягкость. В ряде случаев объекты подаются со своими характеризующими признаками: *касаться* холодной стены, *трогать* липкие руки, шероховатую поверхность. Представителем внутреннего мира является *личностный смысл*. Стимульное слово помещает сознание испытуемого в контекст личной жизни, слово воспринимается только как относящееся к нему: *касаться* - меня рукой, *обхватить* - моя любовь. В реакциях экспериментов представлен профессиональный опыт носителей языка (*пружинить* - амортизатор, *сжимать* - сила натяжения). Чувственную ткань личностного смысла составляют эмоции, оценки: *пушистый* - умиление, *липкий* - вымыть!, *прижиматься* - мерзость. Мир культуры представлен *значением слова*: *гладкий* - предмет, по которому, проведя рукой, не встретишь неровностей. Сознание испытуемого направлено на объяснение общепонятного культурного значения слова, знание которого является необходимым условием любой коммуникации. Имеются отсылки к прецедентным текстам: *горячий* - «Горячий снег», *ощупывать* - «Слепой музыкант», *обжигать* - Не боги горшки обжигают. Представителем системы языка является *слово*. Это проявляется тогда, когда сознание испытуемого задерживается не на значении слова, а на его звуковой форме: *кожистый* - рожистый, *мягкий* - Мягков, *цепляться* - цыпленок. Такие ответы характеризуют на уровне реакций элементы рефлексии по поводу единиц языка классификационного типа (*сжимать* - глагол), слова-паронимы (*кожистый* - кожаный).

Комплексное использование различных экспериментов позволило расширить и уточнить представление о ситуации тактильного восприятия, описать основные и факультативные компоненты пропозиции тактильного восприятия, выявить степень актуальности каждого из них для носителей русского языка.

Список использованной литературы

1. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. - 1993. - № 5. - С. 16 -19.

ЯЗЫКОВАЯ ОСНОВА ПОНИМАНИЯ

Брильц О. А.

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Понимание имеет языковую основу. Для большинства людей язык — это в основном разговорный язык, то есть язык диалога, в котором интерпретатор встречается не только с интерпретируемым объектом, но и с другими интерпретациями и интерпретаторами.

Человек живет в языке, в «языковом континууме». Как пишет Гадамер, «язык – это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание» [Гадамер 1988: 452]. Любая коммуникация индивидов основывается на естественной предпосылке, что собеседники изъясняются на одном языке. В ходе языкового общения каждый из коммуникантов преследует цель, заключающуюся в понимании сообщений партнера. В

ходе реализации этой цели каждая из сторон оценивает фактическую справедливость мнения собеседника, соотнося его с собственным мнением по предмету общения.

Для взаимопонимания в диалоге важен настрой собеседников на готовность «отдать должное» мнению партнера по коммуникации, которое может являться ему чуждым. В отличие от диалога, при понимании текста (в «герменевтическом разговоре») лишь благодаря интерпретатору текст начинает говорить. При этом, так же, как в устном диалоге, при интерпретации текста важно выработать общий язык, так как проблема языкового выражения является проблемой самого понимания. Определяющим в такой ситуации является собственный горизонт интерпретатора.

Понимание текста сводится к истолкованию, которое в свою очередь развёртывается опять же в языке. Язык, таким образом, предназначен, с одной стороны, для выражения с помощью слов самого предмета познания, а с другой, является средством выражения толкования. В первом аспекте языковое выражение выступает в качестве элемента «предметного языка», во втором – в качестве элемента метаязыка.

Явление, подлежащее пониманию, должно существовать в среде языка, так что предметом истолкования непосредственно должно быть языковое выражение. Для понимания необходимо предварительно воспринять языковое выражение, которое, вообще говоря, должно обладать некоторой непосредственной наглядностью, хотя и меньшей в сравнении, например, с памятниками искусства.

Предмет понимания фиксируется, таким образом, причем выражение, как справедливо отмечал Гадамер, «в письменной форме современно любой современности» [Гадамер 1988: 453], поскольку язык является универсальной средой коммуникации и средством хранения информации на неопределенно долгое время. Это позволяет осуществлять связь между прошлым и настоящим в процессах коммуникации через расширение горизонта, обогащение внутреннего мира читателя и субъекта понимания.

Всякое истолкование при этом сохраняет свою принципиальную акцидентальность по отношению к воспринимаемому и интерпретируемому тексту. Конечно, любое истолкование репродуктивно и в силу этого обладает некоторой долей преувеличения и смещения по сравнению с подлинником. Однако именно такое преувеличение и смещение позволяет заговорить источнику, делает его понимаемым. При отсутствии репродуктивного преувеличения и смещения толкование полностью соответствовало бы подлиннику, но не приближало бы его к состоянию понятости.

Мир представляет собой единую систему, связанное целое. Система, как правило, имеет многоуровневый характер, состоит из подсистем. Язык и являются одной из подсистем мира, развивающейся подсистемой знаков. Знаки внутри языковой системы взаимосвязаны друг с другом, взаимозависимы и взаимообусловлены в своем существовании и развитии [Коштовое 1998]. Слово как элемент языковой знаковой системы является условно неделимой частью системы.

Условность состоит в том, что хотя элемент в общем случае и делим, но в рамках рассматриваемой системы дальнейшее его деление оборачивается потерей таких необходимых значимых для системы функций элемента как возможность именования, передачи грамматических признаков и др.. Следует учитывать и то, что по разным элементам системы число уровней членности может быть различным.

В процессе понимания слово мы воспринимаем как коммуникативный знак. Природу знака нельзя постичь в отрыве от природы значения, так же как проблема значения не может быть решена в отрыве от природы знаковой сущности. Коммуникативный знак обладает лексическим значением, формирование которого происходит на основе таких мыслительных процессов как сравнение, классификация, обобщение.

При сравнении происходит соотнесение мыслимого предмета с другим предметом по некоторому признаку. На основе выделенных существенных свойств происходит объединение и отнесение зафиксированного в лексическом значении явления к определенному классу. Такое отнесение к определенному классу позволяет делать предположения о наличии других сходных свойств у вновь отнесенного к классу явления с другими элементами класса. Общность языка участников коммуникации предполагает одинаковую у них способность идентифицировать знак с элементом определенной языковой системы и в обладании одними и теми же лексическими значениями, связанными с материальной формой слова.

Чтобы представить всю сложность реализации указанной общности, необходимо детальнее остановиться на связи элементов частного семантического треугольника «слово – лексическое значение – называемый предмет». В свое время Августин Блаженный сформулировал общее положение о том, что ментальное состояние сознания, частным случаем которого является лексическое значение слова, «передается» с помощью произвольно выбранных слов [Блаженный 1999].

Внимательный анализ показывает, что если постулировать конвенциональный статус связи ментального состояния сознания с материей слова, то связь слова с обозначаемым объектом, отражаемым в ментальном состоянии сознания, уже не может иметь конвенционального характера: выбор денотата слова в принципе однозначно предопределен содержанием уже закрепленного за словом лексического значения. Если же изначально постулировать конвенциональный характер связи материи слова с обозначаемым объектом, то всякие признаки конвенциональности утрачивает связь слова со своим лексическим значением как отражением (образом) соответствующего объекта в сознании: содержание ментального состояния детерминруется содержанием обозначаемого объекта.

Таким образом, конвенциональность может касаться либо связи лексического значения как ментального состояния с материей слова, либо связи материи слова с объектом именования. И то, и другое одновременно не реализуемо. Августин выбрал первый вариант конвенциональности. В исследовании связи материи слова

с лексическим значением и именуемым объектом пытались внести ясность средневековые языковеды и философы. Они отклонили сформулированный выше общий тезис Августина о конвенциональной связи материи всякого слова с ментальным содержанием сознания, предложив провести границу между «естественными» и конвенциональными по своей материи словами языка.

По нашему мнению, эту задачу средневековые ученые решить до конца не смогли. Если «естественные» слова связывать с механизмом образуемой опытом ассоциации, то разделение слов на «естественные» и конвенциональные мало информативно – ассоциация не намного «естественнее» конвенционального увязывания материи слова с ментальными состояниями сознания и соответствующими объектами обозначения.

Кажется ясным положение, что произвольные (конвенциональные) знаки не даны от природы, а произвольно установлены и приняты по соглашению. Но ведь и спонтанно, стихийно в ходе исторического формирования языка сложившиеся ассоциации между материей слов и ментальными состояниями сознания и денотатами слов вполне допустимо трактовать как «молчаливое соглашение», ставшее простой традицией.

Таким образом, в основе как «естественных», так и конвенциональных знаков лежит согласие членов языковой общности, общества. Как «естественные», так и конвенциональные знаки в этой связи означают только то, что в определенном обществе принято понимать под данными знаками.

По нашему мнению, прав Ульям Оккам, высказавший мысль о том, что о «естественности» можно говорить только в отношении связи ментальных состояний сознания с объектами именованного, обозначенного. Произнесенное или написанное слово означает те самые объекты, которые отражаются ментальным представлением. Большинство так называемых «естественных» слов содержат в себе несомненный элемент произвольности. И именно наличие принятых обществом и закрепленных за знаком значений позволяет говорить о возможности сближения в точке понятости.

Список использованной литературы

1. Блаженный А. Против академиков. - М.: Греко-латинский кабинет Ю.Ф. Шигалина, 1999. – 191 с.
2. Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., Прогресс, 1988. – 486 с.
3. Коштов В.В. Информационные системы и феномен жизни. - Тбилиси, 1998. – 195 с.

«GETICA» ИОРДАНА: ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЙН

Будаев Э. В.

Нишнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Современный интерес к когнитивным структурам и процессам, находящим отражение в политическом дискурсе довольно высок, но как показывают специальные исследования, этот интерес современностью и ограничивается [Будаев, Чудинов 2007]. В центре внимания настоящего исследования – модель «сказки о справедливой войне», реализуемая в средневековом политическом сознании.

В рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в современном политическом дискурсе «сказки о справедливой войне» лежит необходимость в морализации конфронтации, а сама «сказка» содержит в себе редуцированную историю с заданным набором типичных агентов: Герой, Злодей, Жертва. Три агента этого типичного нарратива (далее – тринарная модель) зафиксированы на примере анализа политического дискурса во многих странах мира. Так, Дж. Лакофф регулярно указывал на тринарную модель Сказки о справедливой войне в политическом дискурсе США, выявив несколько ее вариантов (сказка о спасении, сказка о самозащите) [Lakoff 1991; 2004]. Вслед за ним многие исследователи фиксировали эту модель в американском политическом дискурсе [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Mowlana et al. 1992]. Аналогичную модель рассматривает А.П. Чудинов на примере анализа российской метафористики [Чудинов 2003]. А. Абрантес демонстрирует актуализацию тринарной модели в португальском и немецком дискурсах [Abrantes 2001], а Р. Кусисто показала ее распространенность на примере сопоставительного анализа политического дискурса лидеров США, Франции и Великобритании [Kuusisto 1998].

Исследователи показали, что Сказка о справедливой войне может реализовываться в разных культурно-специфичных вариантах (вестерн, крестовый поход, битва на Косовом поле и др.). К примеру, в роли Героя может выступать *ковбой, полицейский, рыцарь-христианин, партизан* или просто *цивилизованный человек*, а Злодей объективируется в образе *кроважадного индейца, сексуального маньяка, уголовника, нациста, зверо-человека* и т.п. Вместе с тем фреймовая, типизированная структура (тринарная модель) остается неизменной.

Столь обширное распространение тринарной модели наводит на мысль о ее межкультурном изоморфизме. Более того, универсальность этой модели прослеживается на примере анализа политического мирового интердискурса на протяжении последних ста лет, что наводит на мысль о том, что эта модель обладает диахроническим изоморфизмом.

В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить, является ли метафорическая сказка о справедливой войне архетипичной моделью осмысления и оправдания войны или ее фреймовая структура видоизменяется с течением времени. Для этого обратимся к материалу, отстоящему от современности на 15 столетий.